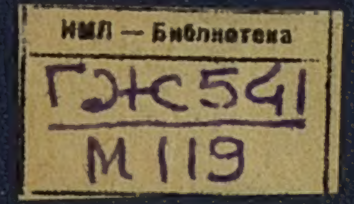
Мавродин
Брусилов

578803

Проф. В. МАВРОДИН

БРУСИЛОВ

Генерал-от-кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов вошел в историю мировой империалистической войны 1914—1918 гг. как выдающийся полководец. Его талантливо задуманный и блестяще осуществленный прорыв фронта австрогерманских войск в 1916 г., получивший наименование «брусиловского прорыва», отразился на всем ходе мировой войны.

Талантливый, образованный, решительный и энергичный полководец, Брусилов выделялся из среды царских генералов. Он не был царедворцем и резко критиковал придворную клику и бездарного царя. Брусилов верил в русского солдата и любил его. «Солдаты были русские, я смотрел на них, как на свою семью»,—пишет он в своих воспоминаниях.

Брусилов любил Россию, свою дорогую родину, и служил ей честно и преданно до конца своей жизни. Он знал ее друзей и ее врагов и зорко охранял интересы русского народа.

«От русского народа я не отделюсь и останусь с ним, что бы ни случилось», — говорил он и говорил правду.

Брусилов не пошел за своими коллегами, генералами царской армии, в лагерь контрреволюции, он остался с народом. И это привело его в ряды Красной Армии.

Все свои знания и опыт выдающегося полководца Брусилов отдал на службу своему народу.

Советским гражданином и командиром Красной Армии закончил свой жизненный путь верный сын родины Алексей Алексеевич Брусилов.

Алексей Алексеевич Брусилов родился в 1853 г. в Тбилиси, в семье генерал-лейтенанта. Рано оставшись без родителей, Брусилов воспитывался у родственников. Четырнадцатилетним мальчиком он был отдан в Пажеский корпус в Петербурге.

«Учился я странно: те науки, которые мне нравились, я усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс: самолюбие не позволяло застрять на второй год», — вспоминает Брусилов. В 1872 г. он был выпущен офицером в 15-й Тверской драгунский полк. Началась русско-турецкая война 1877—1878 гг. В ночь с 11 на 12 апреля во главе небольшого отряда поручик Брусилов перешел турецкую границу, пере-

правившись вброд через реку Арпачай, и вынудил турецкую заставу сдаться в плен. Так принял боевое крещение будущий крупный русский полководец.

Кавказский театр военных действий, на котором пришлось сражаться Брусилову, отличался суровой природой и отсутствием сколько-нибудь сносных дорог. В ущельях, по заснеженным скалам бродили отряды башибузуков — турецкой иррегулярной конницы, — подстерегая отставших и уничтожая небольшие русские отряды.

Русские войска наступали на сильную турецкую крепость Карс, постепенно охватывая ее со всех сторон. Молодой поручик Брусилов был в авангарде русских войск, штурмовавших крепость.

Мужественные русские солдаты штурмом взяли Карс...

Вскоре по окончании войны с турками Брусилов был назначен в офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге, где и прослужил до 1906 г., закончив свою службу в ней начальником школы. В 1906 г. Брусилов был назначен начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, а в 1908 г. получил 14-й корпус, стоявший в Люблине. Через четыре года Брусилов стал помощником командующего войсками Варшавского военного округа. В Варшаве он оказался в чуждой и враждебной ему среде — здесь в «высшем кругу» общества, в правительственных сферах велись разговоры и завязывались связи, компрометировавшие честь России, замечалась подозрительная возня немцев и про-

германских генералов и чиновников. Брусилов насторожился. В своих воспоминаниях он пишет:

«Не могу не отметить странного впечатления, которое произвела на меня тогда вся варшавская высшая администрация. Везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор — ее родственник барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессе, управляющий контрольной палатой фон Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привислинской железной дороги Гескет и т. д. Букет на подбор. Я был назначен по уходе Гершельмана и был каким-то резким диссонансом — «Брусилов».

Находясь в таком окружении, чувствуя повсюду явную и тайную измену, Брусилов не мог долго там оставаться. «Неудобного», настойчивого, честного русского генерала, душой и телом преданного своей родине, постарались убрать. 1913 год застал Брусилова уже в Киевском военном округе.

Настал памятный 1914 год. На западе сгущались тучи войны. Германия бряцала оружием. Незадолго до начала войны Брусилов жил на курорте, в немецком городе Киссингене. Глубоко врезался в его память один вечер:

«В тот памятный вечер весь парк и окрестные горы были великолепно убраны флагами, гирляндами, транспарантами. Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане — Василий Блаженный. Нас это очень удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших «Боже, царя храни» и «Коль славен», мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, рассыпаясь со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренялись и валились наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского «12-й год». Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было пределов, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот апофеоза фейерверка загремела немецкий национальный гимн. «Так вот в чем дело! Вот чего им хочется!» — воскликнула моя жена. «Но чья возмет?» — подумалось мне».

Прозвучал выстрел в Сараеве. По ночам гро-

хотали по рельсам немецких и австрийских железных дорог воинские эшелоны, приближаясь к восточным, западным и южным рубежам. Перед зданием русского посольства в Берлине толпились обнаглевшие немцы, раздавались угрозы по адресу России, требовали объявления ей войны. Наглость немцев не знала пределов. Огромная военная машина кайзера Вильгельма начала действовать.

Брусилов спешно вернулся в Россию.

По широким шляхам, по проселочным дорогам, поднимая тучи пыли, шла на запад русская пехота. Цокали копыта казацких лошадей, грохотала артиллерия, проносились, неистово ревя сиренами, штабные автомобили, неуклюже ползли грузовики. По железным дорогам шли эшелоны, забивая до отказа пути. Красные кирпичи теплушек тянулись непрерывным потоком. Эшелоны, эшелоны, эшелоны... Уже громыхали орудия в Восточной Пруссии, с Карпат спускались венгерские войска, происходили пограничные стычки. Так началась мировая война, которую долго и упорно подготовляла Германия, страна самого агрессивного империализма.

«Я всю жизнь свою чувствовал и знал, что немецкое правительство и Гогенцоллерны — непримиримейшие и сильнейшие враги моей родины и моего народа, они всегда хотели нас подчинить себе во что бы то ни стало; это и подтвердилось последней всемирной войной. Что б ни расписывал в своих воспоминаниях Вильгельм II... но войну эту начали они, а не

мы; все хорошо знают, какая ненависть была у них к нам...» (*Брусилов*).

* * *

К концу июля Брусилов сосредоточил дивизии VIII армии Юго-западного фронта, над которой он принял командование, на линии Печиска — Проскуров — Антоновцы — Ярмолинцы, имея против себя части австро-венгерской армии. В первом же столкновении с неприятелем части армии генерала Брусилова разбили австрийскую кавалерийскую дивизию, шедшую от Городка. 5 августа был получен приказ перейти в наступление, не ожидая дальнейшего сосредоточения войск. В тот же день части VIII армии перешли реку Збруч, являвшуюся государственной границей России, и, отбросив австрийцев, взяли много пленных, орудия и пулеметы. Продвинувшись на запад, части Брусилова разгромили неприятеля у реки Коробца, захватив и здесь огромное количество пленных и трофеев.

Но первое настоящее сражение Брусилов дал неприятелю на реке Гнилой Липе. «Предыдущие бои, делаясь постепенно все серьезнее, были хорошей школой для необстрелянных войск. Эти удачные бои подняли их дух, дали им убеждение, что австро-венгерцы во всех отношениях слабее их» (*Брусилов*). Два дня, 17 и 18 августа, шел жестокий бой на этом рубеже. Австрийцы были разгромлены и, понеся большие потери, оставив массу орудий, пулеме-

тов, винтовок, обозы, отступили в беспорядке. Брусилов двинулся к Львову. В результате успешного наступления VIII армии генерала Брусилова и беспримерной доблести ее солдат, героически сражавшихся с врагом, Львов был взят. Население Львова — украинцы, поляки, евреи — приветливо встречало русскую армию.

22 августа пал сильно укрепленный австрийцами Галич — «стольный» город древнего русского Галицко-Волынского княжества. Грянули августовские бои у Гродека, где части брусиловской VIII армии покрыли себя вновь неувядаемой славой. Дальнейший путь русских войск в Галиции преграждала первоклассная австрийская крепость Перемышль. Сюда и подтягивались части VIII армии.

В сентябре австрийская армия, потрепанная в боях, очищала Восточную Галицию. Австро-германское главное командование, стремясь приостановить натиск наших войск, единственную надежду возлагало на Перемышль. Русское командование приняло решение о штурме Перемышля. В течение месяца шла борьба за Перемышль, на помощь которому спешили реорганизованные австрийские армии. Разбив их, Брусилов двинулся к Карпатам с целью подготовить плацдарм для вторжения в Венгерскую равнину. Талантливый полководец совершенно правильно оценивал обстановку, сложившуюся к тому времени на фронте. Он считал необходимым собрать сильный кулак и перейти в решительное наступление. Этим путем он притягивал

к себе неприятельские войска и обеспечивал успешную осаду Перемышля.

Брусиловская тактика — это активная оборона и стремительное наступление. «Лучший способ обороны — это при мало-мальской возможности переход в наступление, т. е. обороняться надо не пассивно, что неизменно влечет за собой поражение, а возможно более активно, нанося противнику в чувствительных местах сильные удары» *(Брусилов)*.

Еще больше привлекала талантливого генерала идея наступательной войны. Готовясь к выполнению своего плана, Брусилов очистил от австро-венгерских войск склоны Карпатских гор. Но горькое разочарование ждало его. Преступная бездеятельность главного командования русской армии привела к тому, что достаточного количества войск для создания мощного соединения собрать не удалось, да и те войска, которые оказались в его распоряжении, подошли с большим опозданием. С этими силами предпринимать решительное наступление было невозможно, и, таким образом, вся борьба свелась к тому, чтобы продолжать осаду Перемышля и добиться его сдачи. 9 марта 1915 г. Перемышль пал. Его падение — заслуга частей VIII армии.

Германский генерал Людендорф по поводу действий VIII армии писал в своих воспоминаниях: «Наступление австрийской армии, имевшее целью освобождение Перемышля, окончилось безуспешно. Русские очень скоро перешли в контрнаступление, и судьба Перемышля была ре-

шена». План Брусилова не был выполнен до конца, но его контрнаступление сорвало попытки австрийцев освободить Перемышль. Крепость пала, и верховное командование австро-германской армии вынуждено было признать свою неудачу.

Бои брусиловской армии в Карпатах — славные страницы в великой военной истории русского народа. Зимой в горах, по пояс в снегу, в стужу и метель, при жестоких морозах, почти без патронов и снарядов, отбиваясь штыковыми атаками, без артиллерийской подготовки, экономя каждый выстрел, героически дрались русские солдаты. Брусилов писал: «Объезжая войска на горных позициях, я преклонялся перед этими героями, которые стойко переносили ужасающую тяжесть горной зимней войны при недостаточном вооружении, имея против себя втрое сильнейшего противника».

Но неприятель готовился к бою. Из внутренних областей Германии и Австрии непрерывным потоком шли подкрепления. Подвозилась тяжелая артиллерия. Готовился прорыв. Русская артиллерия на ураганный огонь вражеских батарей либо отмалчивалась, либо скупо посылала драгоценные снаряды. Нехватало снарядов, недоставало патронов. Сильная ударная группа генерала Макензена с громадной артиллерией прорвала русский фронт у Горлицы. Отбиваться было нечем. Началось трудное, кровопролитное отступление. Брусилов отошел на реку Буг. Прошла тяжелая зима 1915/16 г. В половине марта

1916 г. Брусилов был назначен главнокомандующим Юго-западным фронтом. Это до известной степени развязывало ему руки, предоставляло инициативу. Бездарное верховное командование несколько ослабило свое давление на него. Кроме того, в его руках теперь сосредоточивались крупные воинские силы. Брусилов сразу же принялся за разработку плана наступления.

* * *

Брусилов был последовательным и ревностным поборником активных военных действий. Энергичный и смелый, он всегда верил в успех. Эта вера придавала ему силы, спокойствие и обеспечила победу.

Активным операциям Брусилова предшествовала тщательная, до малейших деталей продуманная разработка плана, замысел которого поражал своей оригинальностью, смелостью, размахом, а выполнение его сопровождалось изумительно организованной подготовкой. Брусилов был широко образованным стратегом, следил за успехами военного искусства и военной техники, тщательно изучал ход войны, тактику и приемы врага. В частности он первый учел особенности современной войны и ввел глубокое построение оперативного порядка и оперативные резервы. «Теперь для успеха наступления надо вести его густыми цепями, а поддержки иметь в еще более густых цепях и даже в колоннах», — писал он, разбирая сражение 12-го корпуса в районе Лю-

бачев — Краковец. Этот свой тезис он развил и применил на деле во время знаменитого «брусиловского прорыва».

От командиров он требовал смелости, находчивости, инициативы, действительного, а не на бумаге, управления своими частями. При тщательной подготовке и массированном ударе он одновременно прибегал и к внезапности нападения. Брусилов требовал дисциплины, но не немецкой палочной муштры, при которой солдаты превращаются в автоматы, а дисциплины сознательной, при которой старое суворовское правило «каждый воин должен знать свой маневр» получало новую силу. «Надо придерживаться устава не как слепой стены», — писал Брусилов. Надо учитывать каждый новый народившийся фактор, учил он. Дисциплины следует добиваться «не мерами взыскания, окриками, а тем более рукоприкладством, которого в армии быть не должно, а твердым внутренним порядком, постоянным надзором, словом, воспитательными мерами...»

«Для малодушных, сдающихся в плен или оставляющих строй, не должно быть пощады...», — говорил Брусилов. Он любил и ценил русского воина, он верил в русского солдата, а русский солдат верил своему командиру, талантливому полководцу, храброму воину и патриоту.

В этом заключается едва ли не одно из важнейших условий успеха Брусилова.

* *

«Брусиловский прорыв» является одной из важнейших операций в мировую войну.

Войска зарылись в окопы. На огромном протяжении на западе и на востоке тянулись бесконечными лентами окопы, ходы сообщений, блиндажи, волчьи ямы, проволочные заграждения, минные поля. Война ушла под землю. Если бы ничего не знающий о войне человек очутился между неприятельскими траншеями, то даже самый зоркий глаз не усмотрел бы нигде следов человека. А между тем на расстоянии всего 200 метров, за козырьками окопов, в блиндажах и землянках кипела особая, окопная жизнь, и тысячи глаз зорко смотрели вперед, чтобы, как только неосторожный враг обнаружит себя, забросать его тяжелыми бризантными снарядами, оглушить минами траншейных орудий, полить смертоносным свинцом из десятков пулеметов. Лишь по ночам тарахтели повозки и кухни, глухо рокотали автомобили, идущие с притушенными фарами, подходили санитарные двуколки и шли бесконечной вереницей по путям сообщений истощенные, посеревшие от окопной земли солдаты. Днем все вымирало. Лишь изредка появлялся тихоходный неуклюжий самолет. Как комья ваты, распухали вокруг него разрывы шрапнели, и самолет уходил назад. Только обгорелые, расщепленные деревья, разрушенные дома и изрытые воронками дороги и поля свидетельствовали о том, что идет война. Фронт

застыл. И, казалось, не было силы, которая могла бы что-нибудь изменить, могла бы сломать эти узенькие, но прочные ленты земляных укреплений, отбросить их назад, заставить линию фронта изменить свой капризный изгиб. Но такая сила нашлась. Это был русский солдат.

«На фронте без перемен», — писали германские газеты. Почти не подвигаясь вперед, немцы бросали в бой дивизии, корпуса, армии, перемалывая их в «верденской мясорубке», губя их напрасно в сражении на Сомме. Попытки англо-французских армий перейти в наступление также не увенчались успехом. Приобретения территории шириной в один-полтора километра стоили сотен тысяч жизней. Прорвать фронт при современной технике и искусстве обороны оказалось невозможным для обеих сторон. Весь 1916 год на Западе проходил под знаком оперативной безвыходности позиционной войны.

Брусилов сломил обычное представление о позиционной войне и застывшем фронте. В условиях бесплодности планов и союзников и противников ему удалось добиться оперативного успеха крупнейшего значения, отразившегося на всем ходе мировой войны. Обстановка на Западном фронте была очень тяжелой. Англо-французская армия нуждалась в помощи. Для французов обстановка под Верденом с каждым днем становилась все сложнее и сложнее. Верденская операция поглощала сотни тысяч человеческих жизней и огромное количество военного снаряжения и боеприпасов. Положение французской

армии можно было охарактеризовать как очень серьезное. Итальянская армия отступала, и Италия находилась на грани военной катастрофы. Англо-французское и итальянское командование требовало от России немедленной помощи. Русская ставка приняла решение о наступлении.

1 апреля 1916 г. в ставке в Могилеве открылось военное совещание, на котором Брусилов настойчиво требовал наступательных действий. «У нас есть все шансы на успех, в котором я лично убежден», — горячо доказывал он колеблющимся, медлительным генералам и бездарному Николаю II. «Наш недостаток, — говорил Брусилов, — заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами...» И он был прав. Совет вынес решение о наступлении.

Брусилов поднялся и вышел из-за стола. К нему подошел один из старших генералов и начал его предупреждать, что он, мол, только что стал командующим фронтом и неудачным наступлением может повредить своей карьере. «Я о своей личной пользе не мечтаю и решительно ничего для себя не ищу, нисколько не обижусь, если меня за негодность отчислят, но считаю долгом совести и чести действовать на пользу России, поскольку я ее понимаю!» — ответил Брусилов, и недовольный генерал, посмотрев на него с сожалением, отошел от него, пожимая плечами. В тот же вечер Брусилов уехал в Бердичев и вызвал в Подволочиск командующих армиями и начальников их штабов.

Смысл оперативного плана Брусилова заключался в том, чтобы «навалиться всеми силами на австро-германский фронт». А для этого каждая армия его фронта выбирала один ответственный участок, каждый корпус также намечал для себя ударный участок. На всех этих участках должны были быть немедленно начаты земляные работы для сближения с противником. Даже если противник обнаружит подготовку к наступлению, то все равно он не сможет стянуть в какое-либо одно определенное место все свои силы, и, более того, он не сможет обнаружить даже направление главного удара. Местом главного удара намечался город Луцк, куда и стягивались силы и подвозилась артиллерия. Этот удар должна была нанести VIII армия. Остальные армии Юго-западного фронта должны были также нанести хотя и второстепенные, но сильные удары. Резервы же должны были быть брошены туда, где будет достигнут наибольший успех. Подготовка к наступлению держалась в строгом секрете. Но среди окружающих царя шпионов кое-что было известно. «Августейшая» шпионка, царица Александра Федоровна, весьма недружелюбно относившаяся к Брусилову, както спросила его, когда намечается наступление. Брусилов ответил, что такие сведения настолько секретны, что он сам их не помнит. Царица с кислой миной вручила ему... образок! А между тем подготовка к наступлению шла полным ходом.

Перед наступлением Брусилов имел сведения,

что силы противника достигают 480 тыс. человек. У неприятеля было огромное преимущество в артиллерии, особенно тяжелой, и в пулеметах. Неприятельские позиции были очень сильно укреплены и состояли из трех полос. Каждая полоса представляла собой несколько линий окопов полного профиля, с блиндажами, убежищами, гнездами для пулеметов, бойницами, лисьими норами, козырьками и целой системой ходов сообщений. Железобетонные и земляные блиндажи с настилами из толстых бревен предохраняли даже от тяжелых снарядов. Офицерские убежища представляли собой настоящие квартиры. Все укрепления были обнесены толстой колючей проволокой, через которую был пропущен электрический ток и подведены мины. Прорвать такую линию было делом очень трудным. Но Брусилов рассчитывал на тщательность подготовки и внезапность удара.

Постепенно, по ночам, началось сближение с противником. Пехота вела окопные работы, все ближе и ближе подвигаясь к окопам австрийцев. Густая сеть ходов сообщений позволяла постепенно, тайно, по ночам подводить на боевую линию войска, предназначенные для первой атаки, и подвозить артиллерию.

* * *

Яркие, солнцем залитые апрельские дни. В воздухе пахнет не только весной, но и кровью и порохом. Русские позиции... Наблюдатели це-

лыми днями сидят в блиндажах, окопах, на наблюдательных пунктах, внимательно, часами всматриваясь в позиции австрийцев. На карты и планы они заносят все: пулеметные гнезда, блиндажи, деревья, кусты. Они изучают дороги, мосты, тропинки, овраги. Это артиллеристы-разведчики. То здесь, то там они вбивают в землю колышки с номерами. Выяснив характер и силу укреплений противника, артиллеристы покачали головами: для разгрома таких укреплений было маловато орудий... По ночам работали саперы. Они появлялись в тех местах, где артиллеристы вбивали колышки. Рыли узкие, глубокие ямы-укрытия, укрепляя их бревнами, мешками с песком. Перед рассветом все работы прекращались. Забросанные дерном и ветками орудийные блиндажи не мог обнаружить даже великолепный «цейс» австрийского офицера. Вскоре была создана целая сеть артиллерийских наблюдательных пунктов. Затем был составлен артиллерийский план и разработана «схема участков обстрела». Каждая батарея, каждое орудие получало точное задание, цель и время действия. Нужно было подавить огневые точки противника, заставить замолчать его орудия и пулеметы, подавить и деморализовать его живую силу, разрушить укрепления, расчистить путь пехоте, героической, стойкой русской пехоте, которая и должна была решить судьбу сражения. Орудия были еще в тылу и стояли, скрытые рощами и лесами, вдали от дорог. Уже давно все было приготовлено для орудий, зарядных ящиков, сна-

рядов, расчета: ямы, ровики, землянки, укрытия; уже давно была налажена телефонная связь, все дистанции были подсчитаны, все цели изучены. Лишь за день до начала боя появилась на новых позициях русская артиллерия. Ни агентура германцев и австрийцев, ни налеты «Таубе» и «Альбатросов» не могли ничего обнаружить. Казалось, русский тыл жил спокойной, размеренной фронтовой жизнью. А по ночам, когда артиллерийский и пулеметный огонь смолкал, русские пехотинцы лихорадочно рыли окопы. К 20 мая во многих местах окопы обеих сторон разделяли 120—150 шагов. Это расстояние можно было пробежать за одну-две минуты. Наступление было подготовлено. Русская армия на всем огромном протяжении Юго-западного фронта медленно подтянулась к вражеской укрепленной линии и застыла в ожидании приказа ринуться в бой.

Германо-австрийское командование ничего не подозревало о готовящемся ударе.

* * *

В большом, неуютном кабинете начальника генерального штаба германской армии Фалькенгайна сидел главнокомандующий австро-германскими вооруженными силами Конрад фон Гетцендорф, только что вернувшийся из поездки по Восточному фронту: Все обстояло, казалось бы, наилучшим образом: австрийские укрепленные линии были неприступны. Можно было перебросить

несколько дивизий на итальянский фронт и довершить военный разгром Италии.

— Вы твердо уверены, ваше превосходительство, что вам не грозит никакая опасность со стороны русских? — спросил Фалькенгайн.

— Я уже сообщил вашему превосходительству, что русские не имеют в Галиции никаких шансов на успех. Они и не готовятся к активным действиям. Только для того, чтобы подвезти тяжелую артиллерию, им понадобится не менее четырех-шести недель, — ответил Конрад фон Гетцендорф.

Небо было чистое, ни облачка. Горизонт был ясен. 22 мая праздновался день рождения австрийского эрцгерцога Фердинанда. Накануне вечером в офицерских блиндажах австрийской армии шел кутеж. Пили за эрцгерцога, за дам, за победу, за славу германского и австрийского оружия, за разгром русских.

«На восточном фронте без перемен», — сообщали официальные сводки генштабов.

И вдруг, «как гром из ясного неба», по выражению Фалькенгайна, грянул знаменитый «брусиловский прорыв».

* * *

Занималась заря 22 мая 1916 г. С юго-востока тянул ветерок. В 3 часа утра по направлению к австрийским позициям медленно потянулись облака зеленовато-желтого дыма. В австрийских окопах зазвонили в колокола. «Газ!»

Ровно в 4 часа утра, согласно приказу Брусилова, артиллерия открыла ураганный огонь. Глухо стонали тяжелые снаряды, завывали и свистели снаряды полевой артиллерии. Смерч стали, огня, земли и камней обрушился на головы австро-венгерских войск. Тяжелые орудия били по второй линии окопов и тылам, мортиры и полевые пушки — по первой линии. Враг был оглушен, ослеплен, ошеломлен. Но это была лишь пристрелка. В 6 часов утра артиллерия перешла на поражение. Через каждые шесть минут громыхало тяжелое орудие, посылая огромный, многопудовый ревущий «чемодан», через каждые три минуты били мортиры и полевые пушки, разрушавшие проволочные заграждения, они били еще чаще, но так же размеренно. Через час огонь усилился. Каждое тяжелое орудие стреляло с промежутками в две с половиной, а легкие — в две минуты. Через сорок пять минут интенсивность русского артиллерийского огня еще больше усилилась. Вихрь огня, стали, обломков бревен, земли, вихрь смерти носился над австрийскими окопами. Трещали и осыпались блиндажи и убежища, в ямы превращались первоклассные окопы, заваливались ходы сообщений, взлетали на воздух рогатки, рвались, как паутина, проволочные заграждения. Русская артиллерия громила наблюдательные пункты, ослепляя неприятеля. Ошеломленные внезапностью удара австрийцы почти не отвечали на огонь и отсиживались в убежищах и блиндажах. А русская артиллерия неумолчно, методично

била и била по заранее намеченным целям. Снаряд за снарядом с равными интервалами падал на австрийские окопы. Это угнетало, действовало на нервы, вызывало нечеловеческое напряжение. Хотелось кричать, бежать куда-то, спасаться от этих страшных разрывов, каждого из которых ждешь через строго определенный промежуток времени. Кружилась голова, кровь шла носом, ртом, звенело до боли в ушах... А страшная русская артиллерия продолжала свою разрушительную работу. Каждые две с половиной минуты — «чемодан», каждые две минуты — снаряд полевой пушки, каждый снаряд — в заранее намеченную точку... Грохот, огонь, смерть... И вдруг внезапно — тишина. Кончился ад. Можно было ожидать атаки русской пехоты, но по сравнению с тем, что только что выдержали солдаты императора Франца-Иосифа, дрожавшие в своих убежищах, тесно прижавшись друг к другу, это были уже сущие пустяки. Немцы, австрийцы, венгры вышли из укрытий и заполнили окопы, готовые встретить русских смертоносным огнем. Но... «отдых» длился лишь четверть часа. Внезапно снова налетел огненный смерч. Оставляя груды трупов в окопах, немцы, австрийцы, венгры снова, толкаясь, сшибая друг друга на пути, полезли в блиндажи и убежища. Выносить огонь стало еще труднее. Нервы не выдержали, сдали... Началось отупение, апатия.

В 10 часов утра русская артиллерия перенесла свой огонь на вторую линию позиций врага. Теперь уже наверняка начнется атака русской

пехоты... Опять застыли у пулеметов австрийцы, начали укладывать на срез окопа винтовки «бравые» пехотинцы. И опять через пятнадцать минут — новый вихрь огня, новый, страшный удар. Снова ухнула, застонала земля, задымились деревья, полетели вверх земля, бревна, камни, проволока, части человеческих тел. Воздух дрожал, свистел, переливался гаммой чудовищных ударов... Огонь еще усилился. Теперь тяжелые орудия били через каждые две минуты, легкие — через минуту. Австро-германской армии не было — была лишь толпа измученных, издерганных, небоеспособных людей.

Ровно в полдень пошла в бой русская пехота. Громовое «ура» прорезало внезапно наступившую тишину. Австрийцы молчали... Русская артиллерия перенесла огонь на вторую линию окопов. Почти без потерь русская пехота заняла первую линию вражеских позиций. «Тут ясно обнаружилась обратная сторона медали убежищ: многие из них разрушены не были, но сидевшие там части гарнизона должны были класть оружие и сдаваться в плен потому, что стоило хоть одному гренадеру с бомбой в руках стать у выхода, как спасения уже не было...» (*Брусилов*). Толпы пленных австрийцев, немцев, венгерцев тянулись в русский тыл.

Так, с небольшими сравнительно силами, используя внезапность удара, русская артиллерия обеспечила невиданный успех. Тщательность подготовки, идеально разработанный план артиллерийского удара, точная и мужественная работа

артиллеристов восполнили малочисленность русской артиллерии, оправдав многонедельную подготовку и огромную трату снарядов. Восьмичасового короткого внезапного огня было достаточно для подавления огневой мощи врага и разгрома его укрепленных позиций.

Начался «брусиловский прорыв» — блестящая операция русской армии. Развернулись полевые бои. Русская армия быстро двигалась вперед. Наступление шло широким фронтом, протяжением в 300 километров. Потери неприятеля были огромны. К 27 мая нами было взято 1 240 офицеров, 71 тыс. солдат, захвачено 94 орудия, 167 пулеметов, 53 миномета и бомбомета и огромное количество различного военного снаряжения.

А войска генерала Брусилова, опрокидывая врага, преодолевая его сопротивление, шли все дальше и дальше по полям и дорогам Галиции и Буковины.

«Все это время я получал сотни поздравительных и благодарственных телеграмм от самых разнообразных кругов русских людей. Все всколыхнулись: крестьяне, рабочие, аристократия, интеллигенция, учащаяся молодежь, все бесконечной телеграфной лентой хотели мне сказать, что они — русские люди и что сердца их бьются заодно с моей дорогой, окровавленной во имя родины, но победоносной армией... Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей радостью со всей Россией», — писал Брусилов.

«Брусиловский прорыв» резко изменил всю

ситуацию в мировой войне. Австро-венгерской армии был нанесен сокрушительный удар, после которого она уже не могла оправиться. Австрийские армии на Ковельском направлении, в Буковине и Восточной Галиции были разбиты. Солдаты-славяне, находившиеся в австрийской армии и не желавшие воевать против русских братьев, тысячами сдавались в плен. В зеленых лесах Буковины задымили русские солдатские кухни, в гуцульских селах зазвучали казацкие песни о тихом Доне, о вольной Кубани, снова галицийские крестьяне угощали запыленных русских солдат, по покрытым булыжником мостовым старинного русского города Черновицы загрохотала русская артиллерия.

Теперь уже не Италии, а Австро-Венгрии угрожала военная катастрофа. Италия была спасена. Для ликвидации «брусиловского прорыва» австро-германское главное командование перебросило на восток 45 дивизий, снятых с французского, итальянского, салоникского и других фронтов. На Восточный фронт были направлены лучшие германские генералы Гинденбург и Людендорф.

Атаки немцев на Верден ослабли. Более того, Франция смогла подготовить наступление на Сомме. Но ни русское, ни союзное главное командование не сумели использовать «брусиловское наступление». Медлительность русской ставки дала возможность германцам и австрийцам перегруппировать силы, подтянуть резервы

и ударной группой приостановить наступление армий Юго-западного фронта.

Тем не менее значение «брусиловского прорыва» огромно. Он показал, что после исключительных неудач 1915 г., после потери огромной территории русская армия может еще не только сопротивляться, но и наносить своему противнику страшные удары. Потери австро-германцев во время «брусиловского прорыва», длившегося до конца октября, составляли убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн. человек. Было захвачено в плен 8 924 офицера и 408 тыс. солдат. Русским досталось 581 орудие, 1 795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов и огромное количество военного имущества.

«Брусиловский прорыв» отразился на исходе мировой войны. Австро-Венгрия была ослаблена и истощена, Верден спасен, спасена была Италия, в трудную для англо-французских войск минуту германские дивизии были переброшены на Восточный фронт против русских, Румыния выступила против Австрии и Германии. Блестящая операция Брусилова стала предметом тщательного изучения генеральных штабов. Идея нажима на всем фронте, с ударом сразу в нескольких местах, идея внезапности, составлявшая основу брусиловского стратегического плана, была венцом военного русского искусства в мировую войну. Опыт «брусиловского наступления» был учтен маршалом Фошем во время контрнаступления англо-французов в 1918 г., закончившегося военным поражением Германии.

Чем объяснить успех Брусилова? Брусилов верил в боевые качества русского солдата. На этой вере, строго рассчитывая все до малейших деталей, он строил свои искусные планы и блестяще их осуществлял. Но этого мало. Войска Брусилова одержали блестящую победу благодаря героизму, мужеству, стойкости и самоотверженности солдат. Скудость боеприпасов и продовольствия для них не существовала. Героизм русских воинов не имел предела. В тяжелых условиях, под огненным шквалом врага, развивала наступление русская пехота. Четко и бесстрашно делали свое дело артиллеристы.

К 16 июня на Ковельском и Владимиро-волынском направлениях был сосредоточен 10-й германский корпус, переброшенный с французского фронта. В составе его была знаменитая 20-я Брауншвейгская дивизия, получившая название «стальной» за операции против французов в Вогезах. 17 июня у местечка Киселина удар «стальной» дивизии приняла на себя русская «железная» дивизия. Четыре дня немцы вели ураганный огонь по русским солдатам, четыре дня грохотали разрывы снарядов, гудела и стонала земля. Но стойко держались русские солдаты. На третий день боя над немецкими окопами появился плакат: «Ваше русское железо не хуже германской стали, а все же мы вас разобьем». «А ну, попробуй...» — взвился плакат над русскими окопами. И в тот же день русские перешли в контратаку. 20 июня, после сорок второй атаки, «стальная» дивизия была разбита.

21 июня, потеряв три четверти состава офицеров и половину солдат, вышел из боя весь 10-й корпус.

В полках «стальной» дивизии осталось 300—400 человек.

На допросах пленные брауншвейгцы говорили: «Подобному разгрому мы не подвергались с начала войны».

Храбро сражались русские солдаты в дни брусиловского наступления.

Первым ворвался в окопы противника солдат Ожигбесов. Заколов штыком трех немцев, он захватил вместе с другими подоспевшими солдатами неприятельское орудие.

Солдат Глубинов первым вскочил в неприятельскую траншею и, заметив вражеского пулеметчика, заколол его штыком. На помощь пулеметчику спешили австрийцы. Ручными гранатами Глубинов уничтожил противника и унес пулемет.

Унтер-офицер Карпань, ворвавшись первым в окоп, захватил неприятельское орудие.

Фейерверкер 4-й артиллерийской бригады Березов, корректировавший огонь на передовой линии на наблюдательном пункте, вместе с пехотой ворвался в окопы. Тут лежал провод, брошенный сбежавшими австро-германцами. Березов немедленно использовал его, установил связь со своей батареей и стал корректировать огонь. Где-то вблизи непрерывно стрелял неприятельский пулемет, сковывавший продвижение нашей пехоты. Березов видел, что пехота несет урон, и, пробравшись вперед, указал батарее новую цель и продолжал давать указания с на-

блюдательного пункта до тех пор, пока пулемет не замолчал.

Таких примеров героизма, проявленного русскими солдатами, можно привести очень много. Так сражались русские солдаты во времена славного «брусиловского прорыва».

* * *

Грянула Февральская революция. Она не была неожиданностью для Брусилова. Он видел ее дальнейший путь. «...мне стало ясно, что дело на этом остановиться не может и что наша революция обязательно должна закончиться тем, что у власти станут большевики»,— пишет в своих воспоминаниях Брусилов. Он правильно оценивал настроение солдат, говоря, что «на правительство они не надеются, для них все в Совете рабочих и солдатских депутатов. Если затронуть последний — это вызывает у них злобу и раздражение... Среди солдат много было рабочих и людей, уже подготовленных к политической жизни, многие из солдат были большевики...» Брусилов не сочувствовал тому, что делается в солдатской массе. Для него это был «хаос», «развал» русской армии, которой он отдал всю свою жизнь. Но от революции он не отворачивался, заявляя, что без принуждения присоединился к ней.

В мае 1917 г. он был назначен верховным главнокомандующим. Он видел, что продолжать войну нельзя, что за интересы помещиков и ка-

питалистов русские солдаты в бой уже не пойдут. Свое согласие принять пост верховного главнокомандующего он объяснял тем, что «решил остаться в России и служить русскому народу».

Буржуазия хотела утопить революцию в крови, установить свою кровавую диктатуру.

Для этого ей нужен был диктатор, решительный «боевой» генерал, который не остановится перед кровавыми репрессиями против народа. Для этой роли Брусилов не годился, и это вскоре почувствовала контрреволюционная буржуазия. Приказом Керенского Брусилов был отставлен, и на его место верховным главнокомандующим был назначен махровый контрреволюционер Корнилов.

«В самом начале революции я твердо решил не отделяться от солдат и остаться в армии, пока она будет существовать или же пока меня не сменят. Позднее я говорил всем, что считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это ни стоило»,— пишет Брусилов в воспоминаниях. И эти взгляды привели русского воина и гражданина генерала Брусилова в ряды Красной Армии.

Когда грохот орудий «Авроры» возвестил начало новой эры, когда в холодные, суровые дни октября совершилась величайшая революция, Брусилов не пошел по пути контрреволюции.

Брусилов остался в Москве. Ведь те, кто под-

нялся с оружием в руках в бой за свободу, за честь, за счастье,— русские люди, а он поклялся остаться со своим народом, что бы ни случилось.

Первые два года, во время гражданской войны, он оставался не у дел и вел жизнь частного человека.

Но в 1920 г., когда нашей родине угрожала опасность новой интервенции, Брусилов выступил со всей присущей ему прямотой и искренностью, со страстностью патриота. «...он возвысил свой голос и обратился к населению с просьбой и горячим призывом помочь Красной Армии» (*Ворошилов*). Он обратился с письмом к народу и с воззванием к бывшим офицерам и поставил перед ними вопрос: на чьей же стороне заставит их стоять долг совести русского воина?

«В этот критический, исторический момент нашей народной жизни,— писал в своем воззвании А. А. Брусилов,— мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой... добровольно итти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозврат-

но может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы... не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию».

Воззвание Брусилова сыграло свою роль.

Назначенный председателем Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики, Брусилов провел огромную работу и вложил значительную долю своего таланта и энергии в дело разгрома иноземных захватчиков. Затем Брусилов занимал высокую и ответственную должность инспектора кавалерии РККА. Зеленый френч красного командира, четыре ромба на петлицах, сухощавое, седоусое лицо с умными, честными глазами — таким помнят Брусилова его сослуживцы по Народному комиссариату военных и морских дел.

Верным слугой народа надел Брусилов форму красного командира, и таким же верным его слугой он оставался до конца своей жизни. Фрунзе, Ворошилов, Буденный глубоко уважали Брусилова, высоко ценили его глубокий ум. 17 марта 1926 г. Брусилов умер.

«Рабочие и крестьяне Советского Союза не забудут А. А. Брусилова. В их памяти будет окружен светлым ореолом облик полководца старой армии, сумевшего понять значение происшедшего социального сдвига, сумевшего возвыситься до понимания пафоса революционной защиты Республики рабочих и крестьян»,— писал

в своей статье «Памяти А. А. Брусилова» К. Е. Ворошилов.

На особом заседании 17 марта 1926 г. Реввоенсовет отметил выдающиеся заслуги славного русского полководца.

Брусиловский прорыв продемонстрировал перед всем миром высокие боевые качества русских войск. Сокрушительные удары армий Брусилова оказали огромное влияние на разгром войск германского империализма и тем самым способствовали разоблачению лживого мифа об их непобедимости в войне 1914—1918 гг.

Продолжая боевые традиции храбрых русских солдат, героическая Красная Армия в ожесточенной борьбе нанесла сокрушительные удары вооруженным бандам гитлеровского империализма и этим развеяла миф о непобедимости немецко-фашистских армий.

Героический советский народ вместе с другими свободолюбивыми народами нанесет окончательное поражение германскому империализму, этому злейшему врагу человечества.

Редактор *Л. Рогалин*

Подписано в печать 15/XII 1942 г. 1½ печ. л. 44032 зн. в 1 п. л.
Уч.-изд. 1,0. Тираж 50 000 экз. А 62217. Заказ № 788.
Цена 40 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

40 коп.

ОГИЗ. ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1942

